

«Декольтированная лошадь»: В.В. Маяковский в критике В.Ф. Ходасевича

Ключевые слова: футуризм, русское зарубежье, литературная критика, формализм, поэтический язык.

В статье предпринята попытка систематизации взглядов В.Ф. Ходасевича на личность и поэзию В.В. Маяковского. Литературно-критические взгляды В.Ф. Ходасевича рассматриваются в контексте литературы начала XX века и русского зарубежья.

В 1911 году вышел небольшой сборник стихов и прозы «Садок судей». С этого момента ведёт свое летоисчисление русский футуризм, который В. Ходасевич рассматривает в статьях «Русская поэзия. Обзор» (1914), «Игорь Северянин и футуризм» (1914), «Декольтированная лошадь» (1927) и других. В. Ходасевич подробно характеризует московскую и петербургскую разновидности футуризма, его кубофутуристическую фракцию, эстетическую зависимость русского от итальянского футуризма. Вывод В. Ходасевича неутешителен: «Ни московский, ни петербургский футуризм в наиболее существенных чертах своих не могут претендовать ни на оригинальность, ни на новизну» [1, с. 142]. И проповедь крайнего индивидуализма, и «непреодолимая ненависть» к существующему языку не новы: они целиком заимствованы у футуристов западных.

Среди петербургских эго-футуристов В. Ходасевич выделял исключительно И. Северянина, считал талант его как художника значительным и бесспорным [1, с. 145], поэтому и высказал о его поэзии наиболее пронизательные суждения. Анализируя язык И. Северянина, в частности приёмы его словообразования (например, такие слова, как «офиалчен», «окалошить», «онездешниться»), В. Ходасевич отмечает, что это обычные глагольные формы, образованные от существительных и прилагательных: «Их сколько угодно в обычной речи. Если говорят “осенять” – то почему не говорить “окалошить”? Если “обессилить” – то чего не “онездешниться”? Жуковский в “Войне мышей и лягушек” сказал: “и надолго наш край был обезмышен”. Слово “ручьиться” заимствовано Северяниным у Державина. Совершенно “футуристически” глагол “перекочкать” употреблен Языковым в послании к Гоголю» [1, с. 143]. Неологизмы позволяют И. Северянину достигать значительной выразительности, передавать совершенно новые по существу понятия и, прежде всего, «выразить главное содержание его поэзии: чувство современности» [Там же].

Иное положение, по мнению В. Ходасевича, в московской фракции: «Поэтов с дарованием значительным нет среди москвичей-футуристов. Недурные строчки встречаются у В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка. Прочие или недоступны человеческому пониманию, ибо пишут исключительно на языке “дыр-был-щур”, или бесконечно повторяют друг друга» [1, с. 142–143]. Но с особой непримиримостью относился В. Ходасевич к личности и творчеству В. Маяковского.

С первого появления в литературной среде «огромный юноша с лошадиными челюстями, в чёрной рубахе, расстёгнутой чуть ли не до пояса и обнажавшей гигантское лошадиное декольте», получил прозвище «декольтированная лошадь». С 1912 года «лошадиной поступью прошёл он по русской литературе», и ныне, в 1927 году, «стоит уже при конце своего пути. Пятнадцать лет – лошадиный век» [1, с. 457]. В. Ходасевич ошибся всего на три года.

В. Маяковский никогда не был новатором в литературе, хотя выдавал себя за такового. Если хлебниково-крученновская группа базировалась на резком отделении формы от содержания, то В. Маяковский, в отличие от «полоумного визионера», «гениального кретина» В. Хлебникова, «тупого теоретика» А. Кручёных и «несчастливого шута» Д. Бурлюка, от заумной поэзии отказался. В. Маяковский предложил новое содержание: «Он первый сделал пошлость и грубость не материалом, но смыслом поэзии. Грубиян и пошляк заржали из его стихов: “Вот мы! Мы мыслим!”. Пустоту, нулевую значимость заумной поэзии он заполнил новым содержанием: лошадиным, скотским, “простым, как мычание”. На место кретина стал хам. И хам стал “голосом масс”» [1, с. 460]. Но В. Маяковский никогда не был поэтом рабочего класса, он был и остался поэтом подонков, бездельников и босяков. «Пафос погрома и мордобоя – вот истинный пафос Маяковского», – утверждает В. Ходасевич [1, с. 461].

Изменился ли В. Маяковский в советское время? Да, считает В. Ходасевич, «перед нами – другой Маяковский: постаревший, усталый, растерявший зубы... Ни благородней, ни умней, ни тоньше Маяковский не стал. Это – не его путь». Эволюция В. Маяковского: от «грабь награбленное другими» – к «береги награбленное тобой». Маяковский становится советским буржуем и вырабатывает коммунистические лозунги только для экспорта: «к революции призываются мексиканские индейцы нью-йоркские рабочие, китайцы, английские шахтёры». В СССР, по В. Маяковскому, социальных противоречий нет, советскую жизнь он изображает прекрасной, хотя и отмечает «маленькие недостатки механизма», «лёгкие неуклюжести быта» [1, с. 462].

До неузнаваемости изменились его темы – они измельчали: «Он, топтавший копытами религию, любовь к родине, любовь к женщине, – ныне борется с советским бюрократизмом... Предводитель хулиганов, он благонамеренно и почтенно осуждает хулиганство. А к чему призывает? “Каждый, думающий о счастье своём, покупай немедленно выигрышный заём!”. “Спрячь облигации, чтоб крепили оне. Облигации этой удержу нет: лежит и дорожает пять лет”. Какой путь, подытоживает В. Ходасевич, – из громил – в базарные зазывалы!» [Там же].

Бывало, нет больше радости для В. Маяковского, как «сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с парохода современности», оплевать дорогое, унижить высокое». Теперь В. Маяковский оберегает советские авторитеты не только от оскорбления, но даже от излишней фамильярности: «Я взываю к вам от всех великих: – милые, не обращайтесь с нами фамильярно!» [Там же]. Почтительное сердце поэта сжимается, когда он видит такой текст: «Гигиенические подтяжки / Имени Семашки», – или что-нибудь «кощунственное» в этом же роде. Такие «мелкогравчатые темочки» подсовывает В. Маяковскому мелкомещанская жизнь в СССР, и он ими не брезгует, он по уши увяз в них: «Некогда певец хама протестующего, он стал певцом хама благополучного...» [1, с. 463].

В его стихах из «библиотеки коммунистических путешествий» негры добродетельны, а американские капиталисты – злодеи. Сами же стихи «грубы, плакатно-размалеваны и имеют целью доказать, как несчастны негры, не имеющие под боком коминтерна, и как счастливы русские рабочие и крестьяне, оный коминтерн имеющие и на свой счёт его содержащие... Лев на чужбине – услужливый пудель на родине. Таков Маяковский», – заключает В. Ходасевич [1, с. 671].

Его поучение к молодёжи «Как делать стихи?» – «беспорядочный, бессистемный перечень поэтических «правил». Грубость и глупость формальных суждений Маяковского превосходят всякие ожидания». В. Ходасевич удивляется, как «при столь жалких понятиях о поэтическом мастерстве» В. Маяковскому удавалось писать хотя бы даже такие стихи, как он писал. «Нет ничего более убогого в литературе о поэзии, нежели эти рассуждения Маяковского, – это смесь невежества, наивности, хвастовства и, конечно, грубости», – подводит итог В. Ходасевич [1, с. 464].

По существу, В. Ходасевич в 1927 году, на основании анализа личности и творчества В. Маяковского, психологически и литературоведчески точно предсказал его крах и как человека, и как писателя. «Что Маяковский стареет, постепенно выходит в тираж, что намечается и крепчает уже даже в СССР литературная “переоценка Маяковского”, В. Ходасевич говорит не только на основании его собственных наблюдений. «Это прежде всего стал чувствовать не кто иной, как сам Маяковский, и его последняя книга в этом отношении показательна» [1, с. 463. Имеется в виду пятый том собрания сочинений В. Маяковского. – С.И.].

Чем объяснить неприятие В. Ходасевичем В. Маяковского? Во всём ли прав В. Ходасевич? По мнению В. Шубинского, отвращение В. Ходасевича к Маяковскому было «неизменным, безоговорочным и глубоким, и относилось оно в большей мере к человеческому типу, чем к стихам» [2, с. 168]. Отсюда и сравнение В. Маяковского с цирковой лошадью в статье-памфлете «Декольтированная лошадь» (1927). Может быть, именно с прозвищем «декольте-Маяковский» и связано появление (правда, в 1918 году, то есть через 5–6 лет) стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям», в котором есть строчка: «Каждый из нас – по-своему лошадь».

«Дух громогласной брутальности, шутовской фамильярности и демонстративного “гениальничания”, исходивший от Маяковского, был Владиславу Фелициановичу крайне неприятен – в то время как многим его друзьям и знакомым именно этот-то дух и импонировал». Для него В. Маяковский был “кабафутром” – кабацким футуристом, кабацким шутком, гаером [2, с. 170]. Но это литературно-бытовая сторона дела, а в главном В. Ходасевич был, несомненно, прав, утверждая, что риторическая поэтика В. Маяковского была по сути противоположна поискам В. Хлебникова. Об этом также писали и О. Мандельштам, и Ю. Тынянов. Но В. Ходасевич упрощал ситуацию: он сводил теории и творческую практику В. Хлебникова к «зауми», а В. Маяковского изображал «практическим человеком», который присоединился к группе «Гилея» на третьем году её существования и «произвёл самую решительную контрреволюцию внутри хлебниковской революции». На самом деле В. Маяковский был в «Гилее» с её возникновения, и в поисках этой группы с самого начала было две стороны, два плохо сочетающихся направления: «заумь» В. Хлебникова, доведённая до абсурда А. Кручёных, и брутальная нигилистическая эпатажность Д. Бурлюка и В. Маяковского.

И разумеется, В. Ходасевич был несправедлив, отказывая В. Маяковскому в эстетической оригинальности. Тем более – сводя содержательную сторону его поэзии, в том числе ранней, к «пафосу погрома и мордобоя», называя автора «Послушайте» и «Человека» «глашатаем пошлости», «поэтом подонков, бездельников, босяков просто и «босяков духовных». Неслучайно В. Ходасевич не смог привести ни одной убедительной цитаты: ведь нельзя же судить обо всём В. Маяковском по «Ешь ананасы – рябчиков жуй» или по «С криком «Дойчланд юбер аллес» немцы с поля убирались». Нельзя не заметить и того, что «Декольтированная лошадь» местами очень близко совпадает по пафосу и аргументам с написанной в том же 1927 году книгой Г. Шенгели «Маяковский во весь рост». Но памфлет Г. Шенгели, при всей его пристрастности, более аргументирован.

14 апреля 1930 года В. Маяковский покончил с собой. Газета «Возрождение», в которой постоянно сотрудничал В. Ходасевич, отозвалась на его смерть заметкой А. Яблоновского. В. Ходасевичу не было нужды что бы то ни было писать по поводу трагической кончины своего врага. Но он счёл почему-то необходимым полностью, с небольшими дополнениями, перепечатать «Декольтированную лошадь». Статья – под названием «О Маяковском» – появилась в «Возрождении» от 24 апреля 1930 года. Это был странный и этически уязвимый поступок В. Ходасевича.

Его публикация не осталась незамеченной. Очень резко отозвался о поступке В. Ходасевича Р. Якобсон в статье «О поколении, растратившем своих поэтов»: «Помои ругани

и лжи льёт на погибшего поэта причастный к поэзии Ходасевич. Он-то разбирается в удельном весе, – знает, что клеветнически поносит одного из величайших русских поэтов. И когда язвит, что всего каких-нибудь пятнадцать лет поступи – “лошадиный век”, – дано было Маяковскому, ведь это – самооплёвывание, это пасквили висельника, измывательство над трагическим балансом своего же поколения. Баланс Маяковского – “я с жизнью в расчёте”; плюговая судьбенка Ходасевича – “страшнейшая из амортизаций, амортизация сердца и души” [Цит. по: 2, с. 431]. Очень грубо и зло, но Р. Якобсона можно понять: В. Ходасевич пнул ногой неостывший труп его трагически погибшего друга.

Критик и литературовед А. Бем, профессор Карлова университета в Праге и неформальный глава пражской молодой поэтической школы, известной как «Скит поэтов», ответил Р. Якобсону и В. Ходасевичу на страницах другого эмигрантского издания «Руль» (1931. – № 3220. – 2 июля). Осудив филолога-формалиста за грубость, он поддержал его по существу: «Статья В. Ходасевича “О Маяковском”, появившаяся после его смерти, была недопустима по своему характеру и объективно несправедлива. В моём представлении ... она является в критической деятельности его несомненным срывом <...> В. Ходасевич совершенно неверно сводит роль В. Маяковского к снижению словесного материала в поэзии, к её нарочитому огрублению. Даже отбросив тот обидный смысл, который вкладывает В. Ходасевич в это утверждение, оно просто объективно неверно. В поэзии В. Маяковского меньше всего пошлости, есть в ней грубость, но эта грубость скорее литературный приём, чем факт биографии; может быть, нет в ней особенной изысканности и сложности, но есть несомненная сила непосредственной поэтичности [Там же].

В. Ходасевич попытался ответить обоим – и Р. Якобсону, и А. Бему (Книги и люди. Отклики на статью о Маяковском // Возрождение. – 1931. – № . – 30 июля). Первому – бранью на брань («апологет формализма и заграничный литературный чиновник»), второму – по существу. Но что он мог сказать по существу? Что В. Маяковский был «крупным явлением», но «крупным злом», а «крупному злу не могу ни поклоняться, ни сочувствовать, ни даже любоваться его размахом»? Судя по всему, В. Ходасевич в глубине души чувствовал, что перегнул палку, но невратическое самолюбие не позволило ему в этом признаться. Суммируя, можно сказать, что в восприятии В. Ходасевича стихов В. Маяковского сыграла свою роль личная неприязнь к их автору, но основные его оценки личности и поэзии В. Маяковского отличаются точностью и пронизательностью, хотя и резки по форме.

Литература

1. Ходасевич, В. Ф. Собр. соч. : В 8 т. / В. Ф. Ходасевич. Сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. Вступ. статья Р. Хьюза. – М. : Русский путь, 2010. – Т. 2. Критика и публицистика (1905 – 1927). – 720 с.
2. Шубинский, В. И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий / Валерий Шубинский. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 523 с.

S.A. Ilyin

Luhansk Taras Shevchenko National University
e-mail: ilinserg25@mail.ru

«Decollete-horse»: V.V. Mayakovsky in the criticism of V.F. Khodasevich

Key words: futurism, Russian abroad, literary criticism, formalism, poetic language.

In the article by S. A. Ilyin «"Decollete-horse": V.V. Mayakovsky in the criticism of V.F. Khodasevich» attempted to systematize the views of V.F. Khodasevich on the personality and poetry of V.V. Mayakovsky. Literary-critical views of V.F. Khodasevich are considered in the context of the literature of the beginning of the 20th century and the Russian emigration.